

Секция XI

НОРМА, ОБЫЧАЙ, ПРАВО

Руководители Бобровников В.О., Новикова Н.И.

*Авидзба В.В.
Сухуми*

ВЛАДЕТЕЛЬ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ ВЫСШЕЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ АБХАЗИИ

В традиционной системе судопроизводства абхазов в силу своего социального статуса важное место занимал владетель. В его лице абхазы видели высшую судебную инстанцию. Он разбирал важнейшие уголовные и гражданские дела, а также апелляционные жалобы из нижестоящих судов.

Заседание высшего суда, как правило, проходило под председательством владетеля. По обычаю, он должен был хорошо разбираться во всех тонкостях традиционного судопроизводства, уметь отстаивать правду, трезво оценивать ситуацию и делать правильные выводы.

Заседания высшего суда по традиции проходили во дворе резиденции владетеля, под тенью величественного дерева или же внутри крепостной ограды. Владетель председательствовал в суде; в случае разногласий, согласно обычаю, ему принадлежало последнее слово при вынесении решения, и никто не имел права его обжаловать. Судебные прения вел один из самых опытных членов суда.

Являясь, по сути, главным хранителем традиций и блюстителем порядка, владетель мог временно прекратить конфликт и передать дело в третейский суд. Предоставляя владетелю широкие полномочия, обычное право вместе с тем предопределяло его зависимость от волеизъявления народа.

*Апрелева В.А.
Нижневартовск*

РОТА – ЗАКОН И ОБЫЧАЙ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Слово «рота» неоднократно встречается в древнерусской литературе: летописях, церковных поучениях против язычества, переводных произведениях и юридических памятниках. Специалисты как XIX, так и XX вв. переводили этот термин как «клятва, присяга», именно такой вариант перевода и утвердился во всей отечественной литературе. Однако могут быть предложены и другие трактовки.

В первую очередь этот термин, несомненно, означал вселенский порядок, истину и правду. Им

определялась высшая ценность в культуре славян. Этим словом называли обряд, периодически повторяющийся священный ритуал жертвоприношения, необходимый для поддержания господства во вселенной закона и порядка. Следующий комплекс значений вселенского закона – это изреченное слово, речь (в этом плане не исключена его связь с русским словом «рот»). Значение термина трансформировалось в понятия клятвы и договора, совершаемых обязательно в соответствии с мировым законом и являющихся его частными проявлениями, а также проявлениями частного земного закона, определяющего должное поведение человека. В этом проявлении он распространяется на все сферы человеческой деятельности, от любви до войны, соответствие либо несоответствие ему определяет и посмертную участь человека. Таков основной исходный круг понятий, присущий этому многозначному индоевропейскому термину, который пронизывает космический уровень, общественное устройство и жизнь отдельного человека.

*Баязитова Р.Р.
Уфа*

НОРМЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА И ТРАДИЦИОННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЭТИКЕТ БАШКИР

В ранних государственных образованиях важнейшие вопросы жизни коллектива решались в соответствии с обычаями и традициями, обретшими силу норм обычного права. Они регулировали общественные, семейные и другие отношения, а предусмотренные ими меры наказания (всеобщее осуждение, изгнание из рода, смертная казнь и т.п.) удерживали каждого члена общины и семьи в определенных рамках.

Нормы обычного права, затрагивающие область внутрисемейных отношений (недопустимость брака до седьмого колена, левират, сорорат, минорат и др.), повлияли на формирование традиционного семейного этикета башкир. Согласно им, высоко ценились преданность и привязанность к своему роду. Поведение человека строилось так, чтобы не опозорить свой род (уважительное отношение к старшим вне зависимости от родственных отношений, к женщинам, родителям обоих супругов, к гостю). Все это получало внешнее оформление в этикете. Нормами обычного права руководствовались в воспитании этикетного поведения. Наказание за их нарушение выносилось на общем сходе и исполнялось

прилюдно, память об этом хранилась долго, передавалась из поколения в поколение как назидание. Несмотря на многочисленные запреты, некоторые нормы обычного права продолжают функционировать и по сей день.

*Беляева Н.Ф.
Саранск*

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ МОРДВЫ

*Исследование проведено при поддержке гранта
РГНФ, проект № 03-01-00805 а/в.*

Вплоть до середины XX в. в функционировании мордовской деревни определяющая роль принадлежала обычному праву, обеспечивавшему устойчивость бытования этносоциальной регламентации в целом. Фактически каждый человек с момента рождения и до смерти обязан был следовать неписанным правилам поведения. Семейные отношения регулировались нормами обычного права. В докладе предполагается рассмотреть традиционные формы разрешения семейных конфликтов.

В основе семейных отношений у мордвы лежали общие соционормативные установки: подчинение главе дома - *кудазору*, являвшемуся фактически главным домашним судьей, строгое соблюдение системы половозрастной иерархии. Нормы обычного права предусматривали различные варианты разрешения семейных конфликтов. Основопологающим являлось сохранение их в тайне от посторонних. Мордва придерживалась принципа «Сор в избе собирай, на глаза соседям не выметай». Исключалось вмешательство общины. Лишь при крайних обстоятельствах прибегали к помощи совета старейшин или публичной огласке. Воздействовать на человека предпочитали методом убеждения. Публично порицанию многие предпочитали физическое наказание. При серьезных конфликтах между супругами предполагалось использовать все способы, терпеть до «последней крайности», чтобы не допустить распада семьи. Однако во избежание «большого греха» более приемлемым признавался развод.

Существовали нормы, защищавшие права женщин. По обычаю, супруги выступали как равные партнеры, мужу и жене предоставлялось право остаться в браке или выйти из него. Одностороннее разрушение семьи лишало другую сторону ряда имущественных прав. В настоящее время наблюдается процесс возрождения и более широкого функционирования ряда норм обычного права в современном быту мордвы.

*Бобровников В.О.
Москва*

ЭТНОГРАФИЯ «В ЗАКОНЕ»: «ТРАДИЦИОННЫЙ ИСЛАМ» В ПОСТСОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Я хочу проанализировать влияние этнографии права на современные нормативные тексты и судебно-административные институты. Моя задача – рассмотреть процесс превращения этнографического описания, созданного в русле позитивистских соционормативных концепций, в правовую норму с последующим воплощением ее в конкретной юридической практике. В качестве примера такой метаморфозы взято понятие «традиционный ислам», возникшее в 90-е гг. XX в. под влиянием советской этнографической школы и ставшее своеобразной этнографией «в законе». Эта юридическая фикция определяет отношение российского законодательства к межфракционной борьбе мусульманской духовной элиты на республиканском и федеральном уровнях. Объекты исследования – федеральный и дагестанский законы «О свободе совести и религиозных организациях» в редакциях 1990/1991 и 1997 гг. В докладе использованы полевые и архивные материалы, собранные автором в ходе обследований сельских общин (джамаатов) Горного Дагестана, проводившихся в 1992–2004 гг. Сопоставление этих источников привело меня к следующим выводам: постсоветский правовой дискурс ближе к правовому плюрализму, чем унитарное социалистическое право, но его основу по-прежнему составляет деление соционормативных систем на «современные» и «традиционные», восходящие к реабилитированному ныне этнографическому понятию «пережиток». Споры вокруг исламской традиции определяли конфессиональную политику времен исламского бума 1990-х гг. В постсоветское время институты колхозной общины-джамаата, созданные в ходе реформ XX в., переосмысливаются как местные исламские традиции. Колхоз сливается с мечетной общиной и становится основой постсоветского мусульманского общества, хранителем устоев шариаата.

*Брусина О.И.
Москва*

РОДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЫЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Сложная родоплеменная структура кочевого общества нашла отражение в казахских и киргизских адатах, которые фиксировались российскими чиновниками после образования в 1867 г. Туркестанского края. Важнейшие для системного понимания степного права принципы были связаны с присущим кочевнику коллективистским мышлением и часто не учитывались собирателями адатов. Это, в частности, принципы коллек-

тивных имущественных прав, коллективной ответственности за правонарушения и оценки тяжести преступления в зависимости от степени родства между нарушителем и потерпевшим. Субъектами имущественных и правовых отношений фактически выступали не индивиды, а родовые группы. «Родовое начало» предполагало сплоченность родовых коллективов на основе безусловного подчинения индивидов интересам рода и своим родовым лидерам.

Для уменьшения влияния родовой знати российская администрация предпринимала законодательные меры, направленные на ослабление «родового начала», однако они оказались малоэффективными. В некоторых районах, где кочевники со временем переходили к полуседлому образу жизни, родовые отношения постепенно теряли свое значение. При этом отдельные нормы адата, связанные с имущественными правами и земельными отношениями, заменялись нормами шариата, характерными для традиционного оседлого населения Средней Азии. По наблюдениям российских чиновников, одним из следствий ослабления родовых связей стало падение нравственности и увеличение беспорядка и преступности в кочевом обществе. Туркестанская власть для поддержания правопорядка среди казахов и киргизов стала искать опору в их родовых институтах. Известны примеры, когда администрация стремилась навязать принцип коллективной ответственности тем группам полуседлых казахов и киргизов, которые фактически уже утратили эту норму адата.

Васильева Т.А.
Москва

СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Конституция РФ закрепила возможность обращения в межгосударственные органы, если исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты (ст. 46). Наиболее эффективным средством является обращение в Европейский суд или в Комитет ООН по правам человека. Определенные возможности для защиты коренных малочисленных народов представляют положения ст. 8 Европейской конвенции (право на уважение частной и семейной жизни), поскольку Европейский суд по правам человека рассматривает традиционный образ жизни как один из аспектов права на уважение частной жизни, а также ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (право представителей национальных меньшинств пользоваться своей культурой), так как, по мнению Комитета по правам человека, понятие «культура» трактуется и как обеспечение защиты особого образа жизни коренных народов, и данная статья сориентирована не только на защиту традиционного уклада жизни этих народов,

но и на его адаптацию к современным условиям.

В докладе предполагается рассмотреть возможности защиты традиционной религии и культуры коренных народов посредством разработки региональных актов на примере закона Ханты-Мансийского автономного округа о фольклоре коренных малочисленных народов Севера и проекта окружного закона о святынях данных народов, в основе которых лежит концепция взаимосвязи и взаимозависимости традиционной культуры и религии коренных малочисленных народов, этнографического ландшафта и возобновляемых природных ресурсов, являющихся необходимой материальной основой бытования религиозных и фольклорных традиций.

Дамдынчип В.М.
Кызыл

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ПРАВО ВЛАДЕНИЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ТУВИНЦЕВ

В имущественном праве тувинцев выделяется право на земельные угодья в виде пастбищных, промысловых, рыболовных и сенокосных земель, а также на скот. Для того чтобы понять, как относилось обычное право к земле, необходимо разобраться в характере земельных отношений. Важное место занимает вопрос о собственности. Данную проблему необходимо разложить на три составные части: пользование, распоряжение, владение землей и скотом. У тувинцев не существовало частной собственности на землю. Места кочевий, охоты, сенокосные угодья считались родовыми владениями. В период, когда Тува находилась в составе Цинской империи, все земли принадлежали богдыхану – императору Китая. Тем не менее отношение к земле как общей собственности сохранялось. Родовая знать, выполнявшая функции управления от имени императора, не считала себя собственником земель. В соответствии с традиционным мировоззрением земля, тайга, реки и озера не могут принадлежать частному лицу, у каждого уголка есть свой дух-хозяин. В современной Туве скотоводы не понимают и не принимают частную собственность на землю.

Джамтеисова Ж.М.
Астана

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ КАЗАХОВ И ТУРКМЕН

В докладе проводится сравнительный анализ системы наказаний в обычном праве казахов и туркмен. Конфликты разных уровней в казахском обществе разрешались в большинстве случаев в рамках суда биев. У казахов при урегулировании конфликтов между кочевыми группами разных уровней интеграции выплачивались компенсации

и штрафы. Особенностью системы материальных выплат у казахов было то, что величина материальных компенсаций и штрафов уменьшалась по мере увеличения уровня задействованных в конфликте кочевых объединений. Обычное право регулировало кочевую жизнь казахов в основном в мелких корпоративных группах, когда те или иные поступки индивида оценивались детально. По мере увеличения уровня групп, задействованных в конфликте, функции обычного права уменьшались. Однако существование в казахском обычном праве разветвленной системы штрафов за различные правонарушения свидетельствует о признании общего правового поля всеми казахскими объединениями. В этом видится стремление сохранить мирные отношения между группами.

Правовая система туркмен во многом имела значительные отличия от казахского права. Вадате у туркмен отсутствовала система штрафов при урегулировании конфликта. Обычно возмещалась компенсация, равная понесенному ущербу. Для туркменских групп было возможным восстановить отношения даже без штрафных санкций. В то же время в туркменской общине имело место категорическое осуждение правонарушений в рамках группы, о чем свидетельствует нередкое изгнание индивидов из общества. Материалы судебных дел говорят, что случаи изгнания у туркмен были значительно чаще, чем у казахов. Это явление, возможно, объясняется тем, что в казахском обществе работала система наказания в виде штрафных санкций (*аитов*).

Таким образом, в отличие от туркмен, у казахов обычное право проявляло тенденции к мирным формам регулирования взаимоотношений между родами и племенами, между которыми могли быть материальные компенсации. Отсутствие системы штрафов у туркмен понижало возможности быстрого и мирного урегулирования конфликтов и актуализировало систему возмездия.

Исследование выполнено на основе архивных материалов Центрального архива Республики Узбекистан и Центрального государственного архива Республики Казахстан.

Добровольская В.Е.
Москва

ПОВЕРЬЕ КАК НОРМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В традиционной культуре поверья задавали систему нормативных поведенческих актов, формируя правила, которые распространялись на все стороны человеческой жизни. На их основе происходило утверждение определенных поведенческих норм, установок обрядового (ритуального) происхождения. Поверья могли носить рекомендательный или запретительный характер. Поверья весьма разнообразны, их наиболее зна-

чимыми группами являются: поверья календарного и временного характера; поверья, связанные с обрядами семейного цикла; поверья, связанные с социальным статусом человека; поверья, связанные с физиологическим состоянием человека; профессиональные поверья. Существуют и другие типы поверий, например, связанные с профессиональной или возрастной характеристикой человека, окказиональные поверья и т.д. Поверья, выполняя роль поведенческой нормы, могут распространяться на всех членов общины или на какую-то отдельную группу. Помимо этого, они могут носить более или менее категоричный характер. Интерес представляет корреляция между обязательностью, темой и половозрастной, социальной и т.п. приуроченностью норм, вербализуемых поверьями.

Дорская А.А.
Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

К международно-правовым документам, закрепляющим права национальных меньшинств, относятся как универсальные (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция МОТ 1957 г. о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г.), так и региональные (Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, 1994 г.) документы. Однако многие международные документы носят слишком общий характер. Об обычном праве в них, как правило, ничего не говорится.

Наибольшее значение имеют гарантии осуществления культурных прав, содержащиеся в рекомендациях ЮНЕСКО 1968, 1980 и 1982 гг. В них подчеркивается, что одинаковое право на сохранение и развитие традиций культуры имеют все нации, национальные меньшинства и этнические группы.

Косвенно международно-правовые документы призывают учитывать правовые обычаи коренных народов, однако этот вопрос не получил должного освещения. Проблема соотношения правовых обычаев народов в многонациональных государствах и идеи единого правового пространства еще не решена ни на теоретическом, ни на практическом уровнях.

Дробышев Ю.И.
Москва

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОБЫЧНОГО
ПРАВА
КАЗАХОВ И МОНГОЛОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ

Казахи и монголы находятся на противоположных полюсах степного пояса Евразии. В основе их жизнеобеспечения лежит кочевое скотоводство. Сходство природной среды и, соответственно, общность хозяйственно-культурного типа способствовали выработке аналогичных норм обычного права, касающихся различных сторон природопользования: раздела пастбищных угодий, перекочевков, охоты и т.д. Некоторое подобие прослеживается между Великой Ясой Чингисхана и «Семью установлениями» казахского хана Тауке. Какая-то часть традиций была внедрена монголами в то время, когда территория современного Казахстана входила в состав Золотой Орды, и поддерживалась в казахском обществе позже, так как на власть в нем могли претендовать только Чингисиды. Однако монгольское право претерпело гораздо более глубокую систематизацию и кодификацию, чем казахское. Имеется также ряд примечательных отличий, обусловленных традиционным образом жизни этих народов. Так, регламенту охоты в монгольском праве уделено значительно больше внимания ввиду более важной роли, которую она играла у монголов: помимо добычи мяса и шкур, облавные охоты под предводительством ханов издревле служили для тренировки воинов. За пущенный в степи огонь по монгольским законам наказывали суровее, чем по казахским. В казахском адате много места отводится решению земельных споров относительно зимних кочевий (*кыстау*), у монголов этот вопрос менее разработан. Наконец, на обычное право казахов некоторое воздействие оказал ислам, считающийся «экофобной» религией, а на правотворчество монголов сильно повлиял буддизм, «экофильность» которого широко известна.

Еленевская М.Н., Фиалкова Л.Л.
Хайфа

КОНФЛИКТ ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ
В ЭМИГРАНТСКИХ РАССКАЗАХ О ПЛУТОВСТВЕ

Материалом для доклада послужили глубинные интервью с эмигрантами из бывшего СССР в Израиле и этнографические наблюдения авторов. В нашем корпусе есть рассказы о взятках, подделке документов, нарушении таможенных правил и об отъезде без разрешения близких родственников, т.е. рассказы о плутовстве. И мужчины, и женщины охотно рассказывают о победах над всесильной «системой». Самые щекотливые рассказы о плутовстве касаются регистрации этничности как в СССР, так и в Израиле. Как изве-

стно, понятия закон и мораль разведены в русской культуре, причем справедливость важнее истины. Наши информанты, независимо от этнической принадлежности, усвоили недоверие к закону и государству. И, поменяв страну проживания, эмигранты часто видят в законе инструмент подавления человека государством, а его нарушения считают нравственным и правильным. Израильские социологи заметили большую снисходительность эмигрантов из бывшего СССР к преступлениям «белых воротничков», чем это свойственно израильтянам. Однако, отвечая на структурированные вопросы социологических исследований, в том числе о готовности/неготовности сообщить властям о нарушениях подобного рода, они демонстрировали свои обобщенные взгляды безотносительно к собственной практике. В интервью, записанных нами, люди раскрывали факты своей биографии, становясь уязвимыми. Подобными историями охотно делятся с членами группы, которые, как предполагается, понимают, что обход закона – это средство выживания и компенсация социальной отверженности.

Енчинов Э.В.
Москва

ОБЫЧАЙ ИЗБЕГАНИЯ В АЛТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В докладе рассматривается обычай избегания в алтайской культуре во второй половине XX в. на основании материалов полевых исследований в селах Усть-Канского района Республики Алтай. Избегание – обычай, регулирующий отношения невестки с отцом и старшими родственниками мужа. Он включает в себя следующие нормы: *кайындаш* (избегание невесткой отца и старших родственников мужа), *келиндеш* (избегание невестки старшими мужчинами рода ее мужа). Состав нарушения, его причины и решение о вынесении наказания обсуждались на семейном или родовом совете. При нарушении обычая применялись санкции, выражавшиеся в общественном порицании, недоверии, нарушитель «терял лицо». В дальнейшем он не мог проводить общественно значимые обряды, попасть в категорию *томълыу* (уважаемый), даже в старости он не оценивался обществом как мудрый человек.

Захарова М.В.
Москва

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ОБЫЧАЯ

Попытки проникнуть в сущность проблемы «методология исследования правового обычая» приобретают особую важность в силу прежде всего того факта, что правовой обычай (сложившееся на практике и неоднократно, единообразно и однородно применяемое правило поведения, воспринимаемое в качестве обязательного для регу-

лирования определенных групп отношений посредством санкции его со стороны государства), в отличие от иных источников права (закона, прецедента), не всегда имеет четко определяемый характер объективации.

В тезисном виде можно представить методы гносеологического анализа правового обычая следующим образом (в зависимости от степени их обобщенности).

Во-первых, это всеобщий метод познавательной деятельности в виде диалектического подхода. Данный метод позволяет проследить процесс становления обычно-правовых норм на различных ступенях развития социальной организации общества; «воспроизвести объект в его противоречивом единстве» («познание «раздваивает» объект на противоположные стороны: внутренние и внешние, качество и количество, единичное и общее»); рассмотреть правовой обычай с учетом принципа всесторонности, во всех связях и отношениях, присущих данным явлениям.

Во-вторых, общенаучные методы познавательной деятельности: *системный, социологический, функциональный*, а также *метод восхождения от абстрактного к конкретному*. *Системный метод* исследования позволяет рассмотреть категорию «правовой обычай» как целостный элемент правовой сферы деятельности, который активно взаимодействует как со всей правовой системой общества в целом, так и с отдельными ее компонентами в частности. *Социологический метод* познания состоит в исследовании обычно-правовых норм на основе фактических данных правоведения; правовой материал в этом случае рассматривается не на уровне абстрактных категорий, а на базе конкретных фактов. *Функциональный метод* исследования позволяет выявить социальное назначение и формы действия норм общественного происхождения в лице обычно-правовых норм в различных сферах правового поля деятельности, то есть рассматривать данные явления не в статике, а как действующий феномен. *Метод восхождения от абстрактного к конкретному* по своей природе является способом гносеологической деятельности, свойственной теоретическому уровню познавательной деятельности. Он позволяет, действуя поступательно в исследовании правового обычая, раскрывать все новые стороны данного правового явления, приходя постепенного к установлению всестороннего и полного знания о нем.

В-третьих, это частнонаучные методы анализа рассматриваемых явлений. Таковыми методами выступают: *сравнительно-исторический, этнографический, доктринальный, судебный* методы изучения правовых обычаев, а также *метод обращения к нетрадиционным источникам права*.

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ВЗЯТКИ В СРЕДЕ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

Взятка – явление, с которым рабочий рубежа XIX–XX вв. сталкивается постоянно. Это не исключение, а правило. Взятка при приеме на работу, при переходе на несколько станков, при получении выгодного заказа, взятка подмастерю – чтобы наладил станок, взятка браковщику – чтобы засчитал работу, взятка сторожу, чтобы попасть на прием к управляющему, взятка, чтобы исправить года в метрике, взятка, чтобы получить паспорт, взятка, чтобы обвенчаться по дешевке, взятка просто так, на будущее, потому что «так принято». Взятка деньгами и взятка натурой, взятка отработками, сексуальными услугами, взятка «уважением». Взятка вымогается и подразумевается. Кому и зачем дают взятки, почему взятка нужна мастеру и не нужна управляющему, почему взятка деньгами с легкостью заменяется походом в трактир? Место мастера в социуме – одна из причин взяточничества. Взятка заменяет связи – тому, у кого они есть, взятка не нужна. Взятка размыкает круг взаимных обязательств, взятка – это свобода. Рассмотрение проблем, связанных с узкой, казалось бы, темой взяточничества, дает понять, как работают механизмы давления внутри рабочего социума, причины недовольства и суть необходимых изменений.

Доклад написан на материалах мемуаров фабрично-заводских рабочих.

Зубакова Н.С., Мокробородова Н.В.
Чита

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность обусловлена вниманием современного научного сообщества к проблемам коренных малочисленных народов Российской Федерации. Данная проблема рассматривается в трех ключевых аспектах: этнографическом (виды традиционной хозяйственной деятельности, характеристика современного языкового состояния эвенков Читинской области), юридическом (уровень правовой защищенности коренных малочисленных народов Читинской области) и экономическом (место этих народов в системе производства, степень угрозы промышленного освоения территорий традиционного природопользования и т.д.). Кроме того, проводится анализ статистических данных, законодательных актов и правовых документов, отражающих быт, нравы, традиции коренных народов региона и их современное состояние. Отдельно рассматриваются перспективы дальнейшего развития и выживания эвенков Забайкалья в условиях глобализации.

*Ибрагимова Ю.А.
Уфа*

**ВОТЧИННОЕ ПРАВО
И ПРАВО НА ЗЕМЛЮ ЖЕНЩИН
В ТРАДИЦИОННОМ БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Женщина в качестве земельной собственности в башкирском обществе почти не фигурировала, и связано это отчасти с вотчинным правом на землю. Основная масса земли находилась в общинной собственности. Вотчинником (*асаба*) считался глава семьи, он был и юридически ответственным перед общиной лицом. Вотчинник мог участвовать в продаже и аренде волостной земли. Земля, входившая в общесемейный комплекс, наследовалась только по мужской линии.

В связи с вотчинным правом на землю владение землей женщинами в среде рядовых башкир практически не нашло отражения в документальных источниках. В спорных делах, касающихся дележа имущества между мужем и женой, дочерью и т.д., речь идет, за редким исключением, только о движимом имуществе. При этом интересы женщин на сельском сходе представляли мужчины-родственники. Общинный уровень деятельности традиционно принадлежал мужчине.

Вместе с тем обычное право башкир допускало, чтобы женщина могла стать фактическим владельцем части общинного земельного надела после смерти мужа, особенно при наличии сыновей. В случае повторного замужества право на землю она теряла, оно переходило родителям мужа или его братьям, позже – совершеннолетним сыновьям. В случае перехода земельного надела от отца к дочери после выхода замуж вотчинником считался ее муж, который и представлял ее интересы перед общиной.

Только в ряде случаев башкирская женщина владела земельным наделом. Исключения, прежде всего, касались женщин, принадлежащих к башкирской знати. Раздел земельной собственности происходил либо по шариатским принципам, либо по российским законам. Характерным явлением было совместное владение всех наследников.

*Игнатьева М.В.
Санкт-Петербург*

**ВЛИЯНИЕ ПРАВА НА ОБЫЧАИ НАРОДОВ СИБИРИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

С 40-х гг. XIX в. антропология права только начинает разрабатывать свой метод изучения влияния права на обычаи разных народов. У нас в стране все активнее идет изучение этого процесса у народов Сибири. К моменту покорения Сибири русскими большинство коренных народов имело общинное обычное право, которое соответствовало уровню социального развития этих народов. Учитывая особенности традиционного хозяйствования, рассеянное проживание на ог-

ромной территории, можно предположить индивидуализированный статус личности.

Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. свидетельствует о достаточно мягкой форме правовой колонизации со стороны России, хотя «инородцы» были ограничены в правоспособности и свободе передвижения.

Исследователи отмечают патерналистскую позицию государства по отношению к коренным народам, которое лишало их самостоятельного выбора пути развития и личной инициативы. Но в целом влияние права на обычаи народа Сибири имело благотворные последствия, так как проходило постепенно и без резкого изменения норм традиционного права. Но это не снижает остроты другой проблемы – регулирования традиционного природопользования коренных народов.

*Камкия Б.А.
Сочи*

**ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО
АБХАЗИИ**

Современная соционормативная культура Абхазии наследует признаки правового плюрализма, сформировавшегося здесь еще при царской России. В 1810 г. Абхазия входит в состав России. В 1907 г. Николай II уравнивал права абхазов со всеми гражданами Российской империи. Советский строй не смог до основания подчинить законам своего развития психологию, сознание, социально-нормативные установки. А с 1993 г., с момента окончания войны в Абхазии, идет своеобразный процесс правовой аккультурации (под аккультурацией следует понимать любой перенос одной культуры в другую). Во все указанные времена в Абхазии преемственно функционирует «живое право», или обычное право. В сегодняшней Абхазии тесно взаимодействуют две системы права: современное позитивное право с традиционным – обычным – правом. Имеет место проникновение норм обычного права в привносимое современное право. В обществе и в научных кругах продолжается дискуссия на этот счет.

Следует признать, что правовой плюрализм в той или иной степени свойственен любому обществу, при этом одна из соционормативных систем (правовая, моральная, религиозная и пр.) может выступать в качестве ведущей, ибо она служит интеграции общества, обеспечивает социальную солидарность, защиту его культурной целостности.

Соционормативная традиционная культура Абхазии не отрицает необходимости позитивного права. Если мы согласимся с тем, что право шире, чем совокупность формальных источников права, то в преданиях и мифах, ритуалах и религиозных обрядах и т.д. присутствуют (или напоминают о своем существовании) нормы, обладающие юстициабельными признаками, т.е. нормы обычного права. Так, например, мифы об Абрскиле (абхазском Прометее) свидетельствуют о довольно высоком уровне развития правовой куль-

туры абхазов, в которой воплотились универсальные принципы права: перед правом все равны; неотвратимость наказания и соразмерность наказания совершенному деянию.

*Камкия Ф.Г.
Сочи*

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ
ИНДИВИДА ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ
(ПО АБХАЗСКИМ МАТЕРИАЛАМ)**

До недавнего времени принято было считать, что по своим главным юридическим особенностям обычное право было в значительной мере групповым правом. Однако это не ставит под сомнение существование самого обычного права как правового регулятора и образующих его элементов. Продуктивность такого подхода заключается в том, что он выводит нас к выявлению в обычном праве особенностей объективной и субъективной составляющих права. Результаты исследования правового статуса субъектов обычного права Абхазии показывают, что статичность, предписанный характер правового положения индивида по нормам обычного права не были абсолютными. В ходе изучения были выявлены те случаи, когда обычное право (объективное право) предоставляло возможность, следовательно, позволяло (субъективное право) преодолеть замкнутость сословной организации, которая, казалось бы, была строго иерархизированной. Так, существовали специальные (достижительные) статусы, позволяющие установить равновесие социальных и правовых отношений в абхазском обществе. Понятия «афырхаца» (герой), «ахацара зуыз» (проявивший мужество), «хатырзку» (заслуживающий почитания), «ажулар ртуы зхуо» (тот, кто имеет право говорить о народе и от имени народа или, говоря современным языком, тот, кто мог и имел право выражать публичный интерес), «ацей» (познающий) и др. отражали наличие такого статуса в абхазском обществе, который ориентировал индивида на свершение деяний, высоко оцениваемых в обществе. На наш взгляд, индивид не отчужден от власти в традиционном абхазском обществе и не закрепощен группами, к которым он принадлежит. Об этом свидетельствуют указанные статусы, которые придавали социальному организму необходимую динамику, в них реализовывались максимальные права и свободы (дозволения), предоставляемые обычным правом.

*Конев А.Ю.
Тобольск*

**ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ШЕРТЕЙ – ПРИСЯГ
СИБИРСКИХ ИНОЗЕМЦЕВ
XVI–XVIII вв.**

В настоящем докладе предпринята попытка проследить эволюцию и правовые источники при-

сая сибирских аборигенов, называвшихся в рассматриваемый период термином «шерть». Определены виды этих присяг: процессуальное действие в суде – как элемент Божьего суда; шертные договоры (шертоприводные записи) на подданство и верную службу царю. Шертование иноземцев в широком смысле имело то же юридическое значение, что и крестоцелование – присяга православных подданных, но приносилась шерть по обычаям и вере аборигенных жителей. Выявляется связь шертных договоров с особой статьей наказов сибирским воеводам – «жалованным словом».

Тексты шертоприводных записей XVII в. послужили основой для появления в XVIII в. присяг на верность русским царям при вступлении в российское подданство. Сопоставление присяги 1789 г. с текстом шерти конца XVI в. и шертоприводной записью 1700 г. показывает, что при всех отличиях этих документальных памятников в них имеется ряд принципиально сходных статей, свидетельствующих о преемственном развитии этих документов. Во-первых, они содержат обязательное указание на факт вечного подданства присягающих, во-вторых, закрепляется обязательство регулярно платить ясак или нести службу, в-третьих, присягающие обязуются быть лояльными к представителям центральной власти на местах, и, в-четвертых, присягающий обязуется извещать местные власти о «шатости и измене» своих соплеменников, обо всем том, что могло нанести вред государству.

Важным моментом в изучении правовой природы шертей – присяг XVI–XVIII вв. – является исследование вопроса о соотношении в них правового обычая и закона. Анализ законодательства первой половины XVI в. показывает, что юридическая санкция на приведение иноземцев к «вере» (то есть присяге) в соответствии с их религиозными традициями, закрепленная Соборным Уложением 1649 г., восходит к пятому пункту Статейного списка 1628 г. Следует отметить, что шертование аборигенов как процессуально-ритуальное действие находилось в сфере действия обычая; напротив, шертная запись, подтверждающая факт и содержание клятвы-присяги, представляла собой публично-правовой акт, выполняя в известной степени кодифицирующие функции.

*Константинов К.Б.
Санкт-Петербург*

**ЗНАЧЕНИЕ ОБЫЧАЯ
КАК ИСТОЧНИКА
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ**

В статье предполагается рассмотреть соотношение международно-правовых стандартов и законодательства РФ в части, регламентирующей значение и статус обычая как источника международно-правового регулирования прав и свобод коренных малочисленных народов. В связи с этим

представляется необходимым акцентировать внимание на соответствующих положениях:

1. Конвенции Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенную образ жизни в независимых странах» (Женева, 7 июня 1989 г.);

2. Декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июня 1992 г.);

3. Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.);

4. Конституции РФ (от 12 декабря 1993 г.);

5. Федеральных законов «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (от 30 апреля 1999 г.); «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (от 20 июля 2000 г.); «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (от 7 мая 2001 г.).

Также интересным представляется рассмотрение вопросов применения действующего законодательства судьями при вынесении приговоров и решений с учетом местных обычаев и традиций.

*Корнеева А.Е.
Санкт-Петербург*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС И УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОДЕКСА ЧЕСТИ АДВОКАТОВ)

Доклад – результат полевого исследования адвокатуры, проведенного автором качественными методами в рамках антропологии профессии в период с 2002 по 2004 гг. На основе исследования был защищен диплом.

Основные проблемы нововведения профессиональной этики: соотношение формальных и неформальных этических норм (этики и этоса); условия реализации формальных норм; условия реализации групповых интересов, стоящих за введением кодифицированных норм. От решения этих проблем зависит, насколько быстро и полно группа усвоит новые формальные нормы. Отношение группы к профессиональной этике помогает раскрыть проблему отношения профессионалов с рынком, обществом и государством. Эти проблемы демонстрируются на примере адвокатов. Этический кодекс, принятый в 2003 г., подчеркивает деление современной адвокатуры на сегменты. Центральный сегмент – адвокатская палата заинтересована в нововведении, так как помимо контроля над членами профессии применение кодекса определяет ориентированность адвокатской деятельности на общественную полезность. Государство и клиент при введении кодекса получают определенные права во взаимоотношении с адвокатом и возможность контроля

над ним. В зависимости от формы адвокатские образования либо частично применяют этический кодекс, либо полностью отказываются от его применения, ориентируясь на неформальные нормы, сформированные за 140 лет существования адвокатуры. Существуют конкретные препятствия, не позволяющие применять этический кодекс:

1) конкуренция заставляет адвокатов ориентироваться на рынок, спрос на неэтичных адвокатов выше;

2) безнаказанность, так как ни клиентами, ни коллегами не используется возможность жалоб на неэтичных адвокатов;

3) недоверие, а чаще уверенность адвоката в том, что противоположная сторона, как в лице коллеги, так и в лице представителей государства (судьи, следователя, прокурора), не будет придерживаться этических воззрений, что образует замкнутый круг неэтичных взаимоотношений сторон друг с другом.

*Крюкова С.С.
Москва*

ДОГОВОР В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ТРАДИЦИЯ

Договор в крестьянской культуре – понятие чрезвычайно широкое и буквально всеохватное. Только юридическое толкование термина значительно сужает его содержание. Речь идет не только об официальных договорах, нотариально заверенных или скрепленных печатью той или иной организации, а прежде всего о частных межличностных договоренностях, которые паутиной коммуникаций сплетают сельский социум в единое пространство. Разумеется, в современной деревне присутствуют сугубо юридические формы договора (в частности, при заключении договора аренды на земельные угодья, купле-продаже недвижимости, наследовании усадьбы, дарении собственности), однако перечисленные виды сделок не исчерпывают всего многообразия имеющихся соглашений.

Задача предлагаемого доклада – показать разновидности частных межличностных договорных соглашений между односельчанами и их особую роль и значение в сегодняшней деревне. В основу работы легли полевые материалы, собранные во время экспедиционных выездов в Рязанскую и Тамбовскую области в течение последних трех лет.

Если рассмотренные отношения современной деревни спроецировать на деревню XIX в., то выясняется, что те разновидности договоров, которые находили юристы-исследователи крестьянского правового быта в прошлом, а именно найм, купля-продажа, совместное владение, заем, ссуда, мена, продолжают оставаться действенными механизмами регулирования внутрисемейных и межсоседских связей и сегодня. Более того, в условиях кризиса сельской экономики, когда основными «рецептами» выживания для сельского жи-

теля стали его собственной инициатива, ведение личного подсобного хозяйства и регулярно применяемый опыт самоуправления и взаимопомощи, значение договора усиливается.

Договор в деревне – основа основ жизни в условиях компактного проживания, механизм каждодневной повседневной деятельности. Он полифункционален, и его можно рассматривать с разных сторон: и как способ установления отношений между односельчанами; и как повод к их прерыванию или восстановлению; и как метод примирения; и как источник возникновения «доброй» или «дурной» репутации и, соответственно, влияния на развитие жизненного пути каждого из членов сообщества; и как средство решения своих и чужих проблем.

*Кузнецов А.А.
(Ульяновск)*

**ОФИЦИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ
В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ
XIX – НАЧАЛА XX вв.**

(НА МАТЕРИАЛЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

На протяжении длительного времени государство и созданные по его инициативе органы общественного управления законодательно регулировали различные стороны жизнедеятельности горожан. В специфических условиях провинциальной городской культуры, выражающихся в сельском укладе жизни большинства городских обывателей, сохранении в повседневной практике крестьянских традиций и т.д., это неизбежно вызывало столкновение юридически оформленных предписаний и народных обычаев. Подобные коллизии наблюдались в ходе застройки и благоустройства усадебных мест, при решении спорных вопросов землевладения и землепользования.

Несмотря на действующие в городах уставы и правила, многие домовладельцы руководствовались при строительстве и в хозяйственном быту не законом, а традицией, обычаем. Некоторые горожане при этом заявляли представителям власти, что могут строить «на своей собственности» что угодно и как угодно, и не соглашались с их требованиями добровольно устранить выявленные нарушения. Мещане г. Симбирска, отстаивая в суде свои права на городскую землю, также активно апеллировали к обычно-правовым нормам.

Анализ законодательных положений, регулирующих застройку и благоустройство, и существовавшей в рассматриваемое время строительной и благоустроительной практики позволяет сделать вывод, что для городской культуры Симбирской губернии была характерна высокая степень правовой конфликтности, вызванная столкновением государственных, общественных и частных интересов. Существенное влияние на взаимоотношения

юридических норм и народных обычаев оказывали расплывчатые формулировки законов и постановлений, произвол властей, отсутствие правовой четкости в поземельных отношениях.

*Кушкова А.Н.
Санкт-Петербург*

**ДЕРЕВЕНСКИЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД: К ВОПРОСУ
ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
1964–1982 гг. И СОВРЕМЕННЫМ ПОЛЕВЫМ
ЗАПИСЯМ)**

Товарищеские суды в советской России, последнее «возрождение» которых приходится на 60–80 гг. XX в., представляли собой, согласно гипотезе автора, судебную инстанцию двойственного характера. Будучи официальными «проводниками» советской идеологии и контроля на самом базовом уровне социального взаимодействия, товарищеские суды именно в силу наибольшего приближения к повседневной жизни ограниченных социальных групп (сотрудников предприятия, жильцов дома, жителей деревни и т.д.) аккумулировали обычно-правовые представления и практики этих групп. Параллельно, а иногда и вопреки «спущенным сверху» предписаниям, товарищеские суды давали возможность использования и поддержания «внутренних» способов разрешения конфликтов.

В силу специфичности правовой среды деревни (понятие, очевидно, включающее ряд категорий, «квазиправовых» с точки зрения официального законодательства), а также особой структуры социального пространства и его высокой «информационной проницаемости» эта двойственность была в наибольшей мере свойственна деревенским товарищеским судам. Именно здесь можно обнаружить адаптированные к реалиям «развитого социализма» «превращенные» формы традиционного крестьянского обычного права. Основой для доклада служат материалы товарищеского суда одного куста деревень в Белозерском районе Вологодской области (1960–1980 гг.); на основании анализа текстов различных поджанров (заявлений, объяснительных, протоколов заседаний) делается попытка раскрыть особенности правосознания их авторов (осознание своего правового статуса, знание своих прав и обязанностей и отношение к ним, представление о власти, тип выстраивания взаимоотношений с властью и т.д.). Дополнительным источником исследования являются современные полевые интервью с людьми, имевшими отношение к деятельности советских товарищеских судов. Особое внимание уделяется проблеме интерпретационного потенциала имеющихся текстов и методам их анализа.

*Лугуев С.А.
Махачкала*

**ОБЫЧАЙ «СТОЯНИЯ У ПОРОГА»
ЛАКЦЕВ СЕЛЕНИЯ БАЛХАР**

У лакцев сел. Балхар, издавна живущих на территории даргинцев, до первых десятилетий XX

в. сохранился обычай «бухькГуллхъ бацву» – «стояние у порога». Рожавшая ребенка в отцовском доме женщина по истечении 40 дней возвращалась в дом мужа. Ее сопровождала мать, либо тетя по матери, либо старшая замужняя сестра. Подойдя к дому отца ребенка, женщины какое-то время стояли у порога. Вскоре из дома вышла мать отца ребенка, или жена дяди по отцу, или жена старшего брата, а следом – и отец ребенка. «Разрешается ли войти в дом ребенку и жене?» – спрашивала мать или родственница матери ребенка. Мать или свойственница отца ребенка подходила к пришедшему, с молитвой брала ребенка на руки и со словами «Вот твой ребенок» передавала его отцу. Последний, взяв ребенка, какое-то время молча глядел на него и, наконец, произносил: «Мать моего сына (моей дочери), заходи». Этот, видимо, упрощенный акт признания своего ребенка, генетически восходящий, по всей вероятности, к периоду переходного этапа от матрилокального поселения к патрилокальному, получил отражение в местном фольклоре.

«МагIамадалин ххунна, бухькГуллхъ къабащанна, Буттауссил буттукъран чIанну каккан дуванна», – поет девушка, намереваясь выйти замуж за двоюродного брата со стороны отца, зарясь на сундуки с добром своего дяди («Выйду замуж за Магомедали, у порога стоять не буду, отца брата сундукам дни покажу»).

Особенность обычая, обыгранная в куплете, заключалась в том, что жена, принадлежащая к тому же *тухуму*, что и муж, от обязанности «стояния у порога» освобождалась. Сами балкарцы объясняют живучесть обычая негативным отношением к межтухумным бракам.

Мануйлов А.Н.
Краснодар

ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СТРАТЕГИЙ ПОСТСОВЕТСКИХ СЕЛЬСКИХ АКТОРОВ: МЕЖДУ БРИКОЛАЖЕМ И ПРОЕКТОМ

Доклад посвящен анализу практик и правил (разного происхождения), актуальных для современных сельских акторов в поселениях Краснодарского края. На основе интервью и полевых наблюдений в качестве отдельных кейсов представлены параметры стратегий трех сельских акторов. Условно (следуя классификации Т.И. Заславской) эти акторы атрибутируются как микро-, мезо- и макроакторы. Стратегии анализируются в рамках парадигмы бриколаж/проект, которая рассматривается не как оппозиция «идеальных типов» (по К. Леви-Стросу), но как единый дискурс (ближе к Ж. Деррида).

1. Микроактор. Фермер, получивший землю «случайно» и пытавшийся реализовать с ее использованием животноводческий проект. Локальное интеракционное поле.

2. Мезоактор. Мультиактивен: торговля, производство, строительство, сдача в аренду соб-

ственных помещений. Имеет несколько «крупных» проектов. Региональное интеракционное поле.

3. Макроактор. (Критика концепта.) От менеджера крупной компании к руководителю одного из ее сельских предприятий. Инициативы узкоспециальные и требуют легитимации. Межрегиональное интеракционное поле.

Специальное внимание уделяется следующим темам:

а) бриколер как создатель собственного дискурса; инженер/менеджер как транслятор чужих дискурсов;

б) новые сельские акторы и новые правила: рассуждения/размышления акторов о собственных практиках; кто может устанавливать правила?

в) конфликт между практиками сельских акторов и изменяющимся законодательством.

Мокишина Ю.Н.
Саранск

ЭТНОНОРМАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ МОРДОВСКОЙ ОБЩИНЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. община, называемая народом также «обществом», «миром» (мокш., эрз. *веле*), являлась центром крестьянской жизни. Она выполняла многочисленные функции в регулировании этносоциальных отношений, в том числе и этнонормативного характера. Основой этнонорматики сельской общины являлось обычное право (мокш., эрз. *кой*), сосредотачивавшее в себе общепризнанные юридические воззрения этноса, его правовые идеалы и ценности.

Реализация этнонормативной функции по обеспечению правопорядка в крестьянском мире была главным образом связана с деятельностью мирского и волостного сходов (мокш. *пуромкс*, эрз. *промкс*), волостного суда. Рассмотрению подлежали наиболее важные вопросы, связанные с реализацией права или исполнением обязанности субъектами обычно-правовых отношений, а также обычно-правовые конфликты между членами общины, общиной и ее членами, общиной и государством. В правоотношениях с государством община выполняла также функцию реализации возложенных на нее официальным законодательством обязанностей (налоговые, воинские).

При разборе нарушений в общине проводились расследования, которые благодаря отличному знанию крестьянами местных условий, личных качеств участников дела, взаимоотношений односельчан, хорошей осведомленности были весьма эффективными. Как правило, конфликты разрешались крестьянами самостоятельно, без вовлечения органов государственной власти. К правонарушителям применяли разнообразные меры наказания (денежный штраф, битье кнутом, словесный укор), основной идеей кото-

рых являлось публичное посрамление виновного. Частные споры обычно разбирались судом соседей (*шабров*). Особое место в системе народного правосудия занимали семейные структуры, в которых главным судьей считался глава семьи – большак (мокш., эрз. *кудазор*).

*Муратова Е.Г.
Нальчик*

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

(НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.)

Во второй половине XIX в. последовательное распространение положений судебной реформы на те или иные территории Северного Кавказа практически не затрагивало общественную жизнь и судебные институты собственно горских народов, сохранивших в этом отношении автономию. Российских реформаторов в большей степени интересовали поиски механизмов неконфликтного совмещения различных социокультурных систем. Поэтому северокавказских горцев не касались наиболее либеральные аспекты буржуазных реформ, осуществленных в Российской империи.

Уже с начала XIX в. на Северном Кавказе начинает складываться правовая ситуация, которую в этнологии права принято называть «правовым плюрализмом». Этим понятием обозначается существование в едином правовом поле нескольких нормативных комплексов. Подобное сочетание оказало немалое влияние как на эволюцию судебной системы в регионе, так и на эволюцию традиционного правосознания северокавказских народов. Рассмотрение судебной системы в трансформирующихся обществах позволяет, с одной стороны, определить баланс между сохранением архаических социальных структур северокавказских этносоциальных общностей и модернизацией их судебных институтов, а с другой стороны – продвинуться на пути понимания роли правовой практики в деле развития правовой культуры и чувства гражданственности среди «инородческого» населения Российской империи.

*Назаров Р.Р., Алиева В.Р.,
Юнусова Д.М.
Ташкент*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭТНОПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Источниками обеспечения этнополитики Республики Узбекистан (РУз) являются:

- Конституция РУз и законы,
- международные договора в области прав человека и гуманитарного права, ратифицированные республикой,
- резолюции и рекомендации международных организаций, членом которых является РУз,

- межгосударственные соглашения, регулирующие статус этноменьшинств,
- национальная программа действий в области прав человека.

Элементами этнополитики РУз выступают:

- действия по созданию в обществе межэтнической и межконфессиональной толерантности,
- развитие институтов и законодательных механизмов по обеспечению индивидуальных и коллективных прав человека, в том числе меньшинств (этнических, расовых и т.д.),
- меры по сохранению этнокультурной самобытности меньшинств и их интеграции,
- обеспечение пропорционального представительства меньшинств во всех сферах общественной жизни.

Основные конституционные нормы, касающиеся этнополитики, закреплены в статьях 4, 8, 18, 57 Конституции РУз, в ст. 6 ТК РУз, в ст. 5 Закона о свободе совести и религиозных организациях, в ст. 6 Закона о СМИ и т.д.

Ст.8 Конституции гласит: «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности». В ст. 4 Конституции закреплен принцип обеспечения культурного развития меньшинств: государство обязуется «обеспечивать уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на его территории, создание условий для их развития». В целом этнополитика РУз имеет достаточные правовые основы для своего развития и совершенствования.

*Новикова Н.И.
Москва*

САМОУПРАВЛЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРА: МЕСТНОЕ ПРАВО И ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1993–2004 гг.)

В докладе рассматривается процесс складывания на Сахалине местного права как системы правовой регламентации на местном уровне независимо от источника происхождения. В вопросах, касающихся аборигенного самоуправления, эта система представляет собой синтез обычного права и позитивного законодательства. Основное внимание в работе уделено ситуации в Ногликском и Поронайском районах, где были созданы органы самоуправления коренных народов. В Ногликском районе это общественное территориальное самоуправление в соответствии с федеральным законодательством. В Поронайском районе – Совет ассоциации, Совет родовых хозяйств, Совет коренных народов при администрации, деятельность которых сочетает в себе государственное и обычно-правовое регулирование.

Изучение органов самоуправления, созданных на современном Сахалине, выводит на широкий круг вопросов по теории и методике правового плюрализма. Из них в докладе затрагиваются проблемы правовой природы аборигенного самоуправления, его соответствия нормам свободы, справедливости и формального равенства, и из-

менений, которые могут произойти в этой сфере в связи с отменой в 2004 г. некоторых статей законов о коренных малочисленных народах, касающихся их политических прав. На материалах собственных полевых исследований автор пытается понять, насколько справедливо распространенное в отечественной литературе мнение о «местном праве» как «теневого нормотворчестве».

Пелевин М.С.
Санкт-Петербург

КОНКУРЕНЦИЯ ОБЫЧАЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ПРАВА У АФГАНЦЕВ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА В XVI–XVII вв.

По свидетельству достоверных письменных источников, у афганских (паштунских) племен фактическое утверждение ислама как идеологической системы, ритуальной практики и комплекса этико-правовых норм происходило в XVI–XVII вв. Одной из наиболее конфликтных сторон этого процесса являлась естественная конкуренция неписанных племенных законов и обычаев, определяемых емким понятием *пахитунвали*, с привносимыми в традиционное общество извне нормативными установками классической доктрины мусульманского (в данном случае суннитско-ханафитского) права. При вхождении в афганское племенное общество теория *фикха* встречала активное или пассивное сопротивление почти во всех сферах охватываемых ею социально-правовых отношений, в том числе в областях ритуала и личного статуса, которые составляют ее самую разработанную и действенную часть.

О степени и уровне воздействия мусульманской идеологии на афганцев в названное время говорит содержание всех ранних богословско-правовых сочинений на пашто, где излагаются самые элементарные основы исламской догмы, культура и этики. Только на рубеже XVII–XVIII вв. авторы подобных сочинений постепенно начинают затрагивать более узкие правовые вопросы (главным образом относящиеся к наследованию), но собственно юридическая литература на афганском языке не получает заметного развития вплоть до новейшего времени.

Разные по жанровой принадлежности и идейной направленности афганские источники XVI–XVII вв. сообщают разрозненные факты о действии в племенах тех или иных противоречащих шариату обычаев (таких как кровная месть, уплата калыма, левират, наследование по мужской линии, разрешение споров племенными институтами власти и пр.), а также обнаруживают скрытое противостояние между административно-военной верхушкой племен, руководствовавшейся законами *пахитунвали*, и духовным сословием, внедрявшим нормы мусульманского права.

Пеишперова И.Ю.
Санкт-Петербург

САМОБЫТНОСТЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ ЕВРОПЫ

Существенное значение в международной регламентации прав коренных (в том числе малочисленных) народов имеют Конвенция Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» 1989 г., Декларация ООН «О правах коренных народов» 1992 г. В 1994 г. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Международное десятилетие коренных народов с целью расширить международное сотрудничество в деле решения проблем, с которыми сталкиваются все общины коренных народов в области прав человека, окружающей среды, развития, образования, здравоохранения. В этой связи государства, на территории которых проживают данные общности, обязаны учитывать их обычаи, традиции и институты.

Итак, что же было сделано за этот период? Ограничимся лишь некоторыми примерами из юридической практики.

В РФ приняты законы «О национально-культурной автономии в РФ» 1996 г., «О гарантиях прав коренных народов в РФ» 1999 г., которые закрепили основные права и гарантии для коренных народов и лиц, принадлежащих к ним.

В Финляндии после принятия Акта о саамском языке (1991 г.) саами могут использовать родной язык в центральных государственных органах и учреждениях, судах, контактах с *омбудсманом*. Муниципалитеты на территории страны подразделяются на одноязычные и двуязычные.

В Швеции и Финляндии функционируют Саамские парламенты как независимые совещательные органы, созданные из представителей саами, с ограниченным правом участия в принятии решений в Парламенте. Заключено соглашение, которое предоставляет право саами пасти оленей по ту сторону границы Норвегии с Финляндией и Швецией. Однако имеются факты, которые могут существенно отразиться на способах традиционного хозяйствования коренных народов.

Почекаев Р.Ю.
Санкт-Петербург

ОБЫЧАЙ И ЗАКОН В ПРАВЕ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ ИМПЕРИИ ЧИНГИС-ХАНА

Исследователи права центральноазиатских кочевников активно ведут дискуссии о том, являлось ли это право обычным или позитивным. Оно изучалось в следующих направлениях: практическое – для последующей интеграции в иную правовую систему (сбор сведений о казахском праве русскими чиновниками); научно-исследовательское (изучение истории, социального строя и т.д.

– исследование монгольского права в XIX–XX вв.). Исследователи изучали содержание норм и общеисторический контекст, но споры относительно обычного или позитивного характера права строились на субъективных взглядах, без формально-юридического анализа.

Предлагается рассмотреть право кочевников в виде триады: «форма права – содержание – законодатель». Объект исследования – право монголов и казахов (наследников Монгольской империи, хотя и пошедших различными путями).

Выводы:

– у монголов сохранились ясы и ярлыки; также у монголов и казахов важное значение имела судебная практика: это позволяет говорить о значительной роли позитивного права;

– своды законов монголов и казахов XVI–XVIII вв., помимо совокупности семейных, частнопроводных норм (обычных), содержат положения о статусе Чингизидов, духовенства, чиновников и пр.: эти нормы также созданы «сверху»;

– казахские своды законов связываются с именами конкретных ханов, в монгольских сводах указаны имена участников съездов, которые их принимали (носителей государственной власти, а не племенных старейшин, как при «архаическом праве»).

Право центральноазиатских кочевников состояло не из зафиксированных обычаев, а из созданных «сверху» законов. В данном случае обоснованно можно говорить о позитивном праве, базирующемся на обычаях.

*Рябикин А.И.
Санкт-Петербург*

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Проводимые в современной России реформы государственного законодательства встречают различные отклики у общественности. Законотворческий процесс представляет комплексную работу, предшествующую принятию того или иного правового акта. Пример существующего земельного законодательства показывает, что проведенная работа по его разработке прошла без учета этнической специфики (российской правовой ментальности). Проводимые нами на Северо-Западе России исследования показали, что поземельные отношения детерминируются обычным правом. Юридический подход к оценке понятия собственности сосредотачивается на раскрытии формальных, санкционированных государством отношений между объектом и субъектом собственности. При этом упускается из виду неформальная сторона этих отношений, которые основаны на обычном праве. Собственность в понимании юристов выражается в свободном господстве индивида над вещью, однако наши ис-

следования выявляют ограничения, обусловленные этнической спецификой прав индивида в этих отношениях. Разрешением проблемы взаимодействия государственного и обычного права (которое в современности имеет широкое распространение) может стать антропологический подход к изучению современной правовой ситуации. Часть юристов признает роль обычая в отношениях собственности. В земельном праве правовой обычай занимает большее место по сравнению с другими отношениями. Сущность антропологического подхода заключается в выявлении объективных факторов, оказывающих влияние на правоотношения по поводу объекта права. При этом главной особенностью данного подхода является раскрытие этнической специфики правоотношений между субъектом и объектом права.

Роон Т.П.

«НЕФТЯНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» НА САХАЛИНЕ: СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ИЛИ КОНФЛИКТЫ

(К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ)

С началом строительства на Сахалине по нефтяным проектам крупных транснациональных компаний наблюдается постепенное обострение социально-политической ситуации. Местные сообщества озабочены воздействием проектов на социальную сферу и природу Сахалинской области. Часть людей приняла участие в акции против нефтяных компаний, выдвигая требование проведения этнологической экспертизы и выплат компенсаций. Одновременно наблюдается раскол общества коренных народов по национальному и территориальным признакам с высказыванием недоверия старым лидерам и обвинений в адрес друга.

Состояние политического «тупика» порождает недоумение у представителей компаний, с одной стороны, и неоправданные ожидания у местных жителей, с другой.

Автор участвовала в исследованиях воздействия нефтяного проекта «Сахалин 2» на социальную сферу коренных народов в течение 2001–2004 гг. Результаты исследований опубликованы: определены основные общины коренных народов и местных сообществ, наиболее подверженные воздействию проекта. В настоящее время ведется ежегодный мониторинг изучаемых процессов. Автором использованы зарубежные методики и опыт исследований, адаптированные к особенностям территории и населения Сахалина. В настоящее время в российской науке по-прежнему нет новых методик и подходов в исследованиях процессов промышленного воздействия на социальную сферу местных сообществ. Очевидно несовершенство и методик экологических экспертиз биоресурсов морского шельфа. Такого понятия, как «экологический мониторинг биоресурсов и вод промышленной зоны шельфа» вообще не

существует в современной практике. Еще один вывод: местные администрации не готовы профессионально разрабатывать социально-экономические программы и работать с населением.

*Соколова А.В.
Санкт-Петербург*

ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ЕВРЕЕВ ГЛАЗАМИ ЭТНИЧЕСКИХ СОСЕДЕЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЫВШИХ
МЕСТЕЧКАХ ВИННИЦКОЙ ОБЛ. УКРАИНЫ)

Своеобразие архитектурной среды такого местечка было во многом обусловлено тем, что в XIX – начале XX вв. его торгово-ремесленный центр, компактно заселенный евреями, был иноэтническим анклавом по отношению к предместьям и окрестным селам, где жили преимущественно украинцы. Евреи, рассуждая об архитектуре таких домов, наибольшее внимание уделяют правилам, выполнение которых обеспечивает легитимность перестроек, а не устройству дома. Старшее поколение потомственных мещан-украинцев, а также уроженцы сел, которые относительно недавно оказались новыми владельцами «еврейских домов», обращают внимание на определенный ряд признаков, отвечающих, с их точки зрения, представлениям евреев о надлежащем (обеспечивающем комфортные условия жизни) устройстве дома. Некоторые особенности архитектуры домов, а также застройки кварталов, компактно заселенных евреями, у украинцев принято объяснять чертами, присущими евреям как прирожденным торговцам, а также особенностями отношений внутри еврейского сообщества.

*Титова Т.А., Хамидуллина А.И.
Казань*

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В научной литературе существует мнение, что в России изначально сложился свой исторический путь с особым развитием межэтнических отношений. Ведь Россия является не просто многонациональной страной. В нее входит большинство российских меньшинств, имеющих автономию, одной из форм которых является республика, и предпочитающих считать себя самостоятельными нациями. Это следствие своеобразной языковой «национализации» нерусских народов, которые приучены категорировать себя в качестве нации, а не меньшинства.

В докладе Консультативной комиссии по Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств «Мнение о Российской Федерации» отмечено, что властями Татарстана и других республик РФ основное внимание уделяется поддер-

жке культур и прав так называемых «титულных народов», но недостаточно – другим группам населения, которые имеют свои отличительные этнокультурные запросы. Если трактовать слова «другие группы населения» как национальные меньшинства, то таким образом раскрывается проблема регулирования прав меньшинств, в частности в Республике Татарстан.

Возникает вопрос: каким образом должна осуществляться поддержка национальных меньшинств в Татарстане? С юридической точки зрения, представляется, что у республик, имеющих свою конституцию, свои законы, должны быть и документы, регламентирующие национальные отношения на их территории.

На наш взгляд, в Татарстане существуют две основные стороны национального вопроса. Первая заключается в так называемой проблеме политики «татаризации», которая затрагивает прежде всего русское население. Суть второй проблемы – положение национальных меньшинств в республике.

Решение поставленных проблем возможно при сопоставительном анализе законодательных актов республики и материалов этнологического мониторинга. Этот анализ и будет представлен в докладе.

*Трофимова Г.Т.
Москва*

КАРАЧАЕВЦЫ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРЕХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

После присоединения Карачая к Российской империи жизнь патриархального общества начинает меняться. С самого начала в управлении учитываются религиозная принадлежность карачаевцев и существующая у них правовая система. В середине XIX в. в стране проводится целый ряд реформ, в том числе судебная, которые затронули и народы Северного Кавказа. Во второй пол. XIX в. на Кавказе одновременно существуют три правовых системы: суд по адату; шариатское судопроизводство; часть дел рассматривается по законам Российской империи.

Как свидетельствуют архивные материалы XIX – нач. XX вв. (собранные в архивах Краснодарского края и Карачаево-Черкесии), на различных этапах население обращается к одной из этих систем. Если в начале реформ население традиционно прибегало к посредникам, то постепенно увеличивалось количество дел, рассматриваемых в суде. Если решение суда одной из правовых систем не устраивало истца либо ответчика, то они обращались в суд по другой правовой системе, хотя компетенция судов была достаточно полно регламентирована.

К сожалению, естественный ход событий был прерван революцией. Но в связи с переменами, произошедшими в начале 1990-х гг., изменением идеологии, ослаблением центральной власти на начальном этапе вновь стали актуальными правовые системы, с которыми решительно боролась советская власть.

Фирсов В.В.
Санкт-Петербург

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ПРАВОСОЗНАНИЕ
И ЕГО ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ В ЕВРАЗИИ

Определение и возникновение тех или иных правовых воззрений и законов на различных этапах развития трактовалось неоднозначно. Гераклит объяснял происхождение законов сознанием мудрых правителей, Платон – целесообразностью, которая направляет все к благой цели, идущей от Бога, Аристотель видел истоки законов в естественном праве, римские философы и юристы, переняв много у греков, обосновывали происхождение права вечно существующим «естественным правом» и «правом народов». В средневековые правовые воззрения выводились из религиозных догматов. По мнению Фомы Аквинского, «божественный разум» управляет миром, отражается в естественном законе, а последний воплощается в действующем человеческом праве. Европейские идеологи капитализма противопоставили теологическому мировоззрению феодального общества «юридическое мировоззрение», явившееся идеологическим знаменем буржуазии и выразившееся в теории «естественного права». Правовые воззрения и право выводились из человеческого разума, который должен соответствовать требованиям естественного права. Говоря о зависимости правового сознания от материальных условий жизни, надо иметь в виду, что в сложном процессе этой зависимости важную роль играют интересы, определяемые положением классов.

Таким образом, зависимость правосознания от материально-экономических условий опосредована и социально-классовой структурой общества, и интересами классов и других общественных групп, и характером общественно-политических движений, и теоретической работой идеологов. Кроме того, историческое развитие европейского общества свидетельствует о том, что на правосознание оказывают влияние политика, мораль, религия, традиции и особенности в развитии народов Европы, а также все более или менее важные исторические события. Этот очень важный момент необходимо учитывать, особенно во время формирования нового правосознания Евросоюза.

Хабутдинов А.Ю.
Казань

НОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ У ТАТАР
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI вв.:
СООТНОШЕНИЕ ШАРИАТА, АДАТОВ
И РОССИЙСКОГО ПРАВА

В докладе рассматривается соотношение норм шариата, адатов и российского права в норматив-

ной практике российских мусульман Волго-Уральского региона в конце XVIII – начале XXI вв., с создания в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания, которое контролировало вопросы догматики, брачно-семейного и наследственного права, решавшиеся по шариату. Параллельно нормативные практики мусульман во многом определялись нормами обычного права (ар. *урф ва адат*, тат. *горэф-гадет*), не противоречащими нормам ханафитского мазхаба. На практике сохранялись нормы, не противоречащие российскому законодательству. В досоветский период объектом изучения являются мусульмане округа ОМДС. В советский период, особенно после создания АТССР в 1920 г., автономия мусульман края приобретает территориальные формы (ТАССР, затем РТ). В 1920-е гг. при формальном непризнании норм шариата рассматривался вопрос о внесении их в проектируемый УК АТССР. Принадлежность абсолютного большинства населения к конкретным махаллям, сохранение особенностей экономики, образования и религии способствовали продолжению функционирования норм брачно-семейного права, адатов. Эта система была насильственно ликвидирована в ходе «революции сверху» рубежа 1920–1930-х гг., сопровождавшейся изменениями в социальной структуре общества, в частности ликвидацией мусульманской элиты.

С конца 1980-х гг. мы стали свидетелями своеобразного синтеза авторитарного советского образа жизни с либеральным российским законодательством и исламской практикой, сочетающей татарские мусульманские традиции и исламские нормы, принесенные извне, особенно из Саудовской Аравии. Последняя традиция наиболее явно проявилась в борьбе мусульманок за право фотографироваться на паспорт в хиджабе. Сейчас происходит синтез консервативной татарской и саудийской традиций в вопросах многоженства, брака до достижения 18 лет, отношении к светскому законодательству. Наиболее подвержены этим изменениям в системе ценностей молодые семьи, начинающие воспитывать своих детей в рамках исламской традиции. Сегодняшний Татарстан является примером быстрой динамики и требует внимания исследователей.

Хасанова Л.Р.
Уфа

ПРАВО, НРАВСТВЕННОСТЬ И ОБЫЧАЙ

Право – это этические общностные ценности, первоначально покоившиеся на идее равенства: равным обязанностям должны соответствовать равные права. Позитивное право формирует исконные права человека и широко разветвляющиеся, вытекающие из него права. Нравственность является определяющим аспектом культуры (социальной памяти), общим обоснованием человеческой деятельности. Сущность нравственности в философии трактуется по-разному: как опыт житейской мудрости, как внешнее обще-

ственное установление, накладывающее на человека необходимые обязанности, как особый прием познания, как институт, обуздывающий «животные инстинкты» человека, как определение высшего смысла человеческой жизни и т.д.

Зачатки нравственности появились со времен родоплеменного, первобытного строя. Нормы и принципы морали развивались и формировались с ростом человеческого сознания. Через систему ориентаций, норм, запретов, оценок, идеалов нравственность регулирует поведение людей. Ценностная ориентация, пронизывая психику человека, позволяет человеку мгновенно, зачастую интуитивно, выбрать верную линию поведения.

Право и нравственность соотносятся с обычаем. Обычай является этнической формой традиции, через которую осуществляются преемственность и трансляция традиционного, культурного и нравственного содержания для субъекта. Обычай обладает высокой степенью устойчивости, при своем развитии и воспроизводстве он не нуждается в каких-либо изменениях в течение длительного периода времени, ибо до акта реализации содержит в себе определенность результатов деятельности и условий.

Право, нравственность и обычай формируют собственные характеристики и культурные нормы в форме обязательности и регулирования.

*Хатран Д.
Астана*

СВАДЕБНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР НЕВЕСТЫ САУКЕЛЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЫЧНОГО ПРАВА КАЗАХОВ

На протяжении столетий по нормам обычного права регулировались брачно-семейные отношения казахов. Одной из интересных составляющих этих отношений являлись правила и установления, связанные с головным убором невесты – *саукеле*, в котором отразились традиционное мировоззрение и магические представления и который представлял большую материальную ценность. *Саукеле* – часть приданого невесты, и его изготовление начиналось задолго до свадебных обрядов, при этом применялись дорогие материалы – ценные шкурки животных, драгоценные камни, серебряные монеты и бляхи, перья филина и др. Стоимость изготовления одного такого головного убора могла оцениваться до 100 голов скота (лошадей). По нему определяется стоимость всего приданого.

Являясь столь ценным предметом, в правовых отношениях *саукеле* всегда рассматривалось как отдельная, особо значимая часть приданого. Так, оно возвращалось родственникам молодой жены в случае ее смерти, если женщина за короткий период замужества не успела родить ребенка. Если же после ее смерти оставался живой ребен-

нок, то *саукеле* вместе с приданным оставалось у мужа. В этих установлениях отразились представления о том, что в *саукеле* заключена магическая сила, влияющая на плодovitость невесты.

Во время бракоразводного процесса, если женщине удавалось доказать свою правоту, то *саукеле* со всем приданным возвращались ей. В случае же ее неудачи к ней отходило только *саукеле*, которое являлось материальным гарантом обеспеченности женщины.

Таким образом, *саукеле* не только являлось праздничным свадебным головным убором, но и играло немаловажную роль в регулировании социально-экономических отношений казахов.

*Червяковский А.В.
Омск*

О ЗАКОНЕ И ОБЫЧАЕ

Современное государственное право основано на письменных источниках, таких как закон, подзаконные нормативные акты, нормативный договор и др. Письменный характер права не есть показатель его распространенности. Письменность изменяет характер права, но не создает его. Для современных обществ характерно существование государственного, письменного, официального права и местного, народного права. Народное право основано на устных источниках, существующих обычаях и традициях. Реально реализуемое индивидом право связано со сложившимся образом права. При регулировании большинства правоотношений люди пользуются правовой информацией из доступных источников.

Право не тождественно закону. Закон может отражать и не отражать фактические отношения людей в обществе и фактические потребности самого общества. Право призвано олицетворять справедливость, закон же принимается законодателем и подвержен влиянию различных факторов и может быть социально вредным и даже социально опасным. Нормы обычая, в том числе и правового, создаются стихийно, отражая те или иные условия существования человека. Они сформировывались в течение длительного времени, вошли в культуру, самосознание этнической или социальной общности. Обычай отражает юридический быт народов. Обычай всегда сильнее воздействует на человеческое поведение, чем закон; если закон идет вразрез с обычаями, то он, как правило, обречен на неэффективность, его будут обходить. Закон не следует противопоставлять обычаю, необходимо учитывать существование обычая.

Чудинов А.И.
Санкт-Петербург

ОХРАНА ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ КУЛЬТУРЫ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ «ПРОЗРАЧНОСТИ» ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Нарастающее воздействие процессов глобализации приводит к необходимости унификации норм международного частного права и национального законодательства государств. Это неизбежный процесс, обусловленный международной интеграцией производства, бурным развитием международных связей во всех сферах (миграция, образование, туризм и т.д.).

Процесс глобализации способствует влиянию так называемой массовой культуры на культуру многих народов, при этом сдерживающий фактор государственных границ уже не играет значительной роли. Массовая культура принимается и нередко даже приветствуется, но при этом отмечается процесс уничтожения национальной культуры и особенно малочисленных народов. Кроме того, экономическое развитие нередко приводит к потере самобытности, чувства принадлежности к общине, личной значимости индивида.

Рассматривая соотношение культуры и конечных целей развития любого общества, следует признать, что культура (в узком и широком смысле) имеет более важное значение в жизни человека, чем экономическое развитие. Товары, услуги лишь расширяют возможности человека жить в соответствии со сложившейся для данного этноса культурой.

В конвенциях, резолюциях, рекомендациях международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, СНГ и др.) содержатся основополагающие положения, направленные на дальнейшее совершенствование деятельности международных правительственных организаций, государств, а также неправительственных организаций малочисленных народов в данной сфере. На наш взгляд, это способствует формированию специальных принципов культурного сотрудничества малочисленных народов по охране и развитию этнической самобытности, культуры, языка, образования, религии, промыслов, а также поддержанию мирных контактов через границы в целях сохранения своего общего культурного наследия.

Чумакова Т.В.
Санкт-Петербург

ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Этнографические данные свидетельствуют о том, что в отечественной народной культуре существует достаточная жесткая оппозиция между представлениями о законе и справедливости.

Многочисленные поговорки, так или иначе отражающие юридическую проблематику, ставят под сомнение представление о незыблемости законодательных установлений («Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло» и проч.). Тема закона является одной из центральных и в русской литературе, особенно часто в ней отражается тема «неправедного» суда, суда «по закону», а не «по правде». Обращение к истокам отечественной культуры позволяет обнаружить некоторые возможные причины подобного восприятия закона. Понижение статуса закона в русской традиции связано, с одной стороны, с недостатками в самой древнерусской правовой системе, а с другой стороны, оно произошло под воздействием религиозных концепций, противопоставляющих высшую справедливость людскому беззаконию. Последнее становится очевидным при анализе понятия «правда». Постепенно в русской традиции Правда начинает восприниматься как земное отражение божественной Истины. Закон же, лишаясь ассоциаций с правдой, но оставаясь все же значительно идеологизированным (поскольку сферы светского и церковного в русской традиции были достаточно сильно сближены), начинает восприниматься все более и более негативно (чему, несомненно, способствовала и социальная практика). Так, постепенно формируется характерное для русского самосознания восприятие правовых норм, создается специфический тип цивилизации, в которой понятие справедливости стоит выше закона.

Чухвадзе Н.К.
Москва

ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛЕГАЛЬНОГО И ОБЫЧНОГО
ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОПЫТ
СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Автор разделяет точку зрения на организацию как символическую структуру. Она структурирована и регулируется системами знаков (языками), с помощью которых закрепляются властные полномочия, системы прав, обязанностей, подчиненности и ответственности в системе безличных позиций (официальных статусов). Однако этот уровень организации в равной мере может считаться и видимым, и видимостью, чем-то виртуальным. В уставе, приказах, штатном расписании, отраслевом коде и идентификационных номерах фиксируется организация как так называемое «юридическое лицо». Часто этот уровень легален только для внешней демонстрации, а для всех остальных членов организации реальностью является то, что в управленческой практике обозначается термином «предприятие». «Предприятия» могут не совпадать с юридическими лицами ни территориально, ни по названиям, ни по должностной структуре. При этом именно как работники «предприятия» люди получают наиболее ощутимую часть заработной платы, проходят аттестацию, получают штрафы и поощрения. С

официально-налоговой точки зрения, «предприятие» – это только некая общая договоренность, в идеале не фиксируемая ни в одном бумажном документе. Какой из способов организации можно назвать фиктивным? Достаточно ли легальности как удостоверенности на бумаге и формального соответствия столь же формальным юридическим требованиям? Данная ситуация определяет границы допустимых (возможных) способов действия для индивида, оказывающегося в дилемме формально-юридических vs. вынужденно-договорных отношений. Она ставит его в заведомо «нелегальную» позицию, предполагая, следовательно, возможность «обходить» и другие формальные юридические ограничения.

*Шагланова О.А.
Улан-Удэ*

ОХРАНА КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рыночные законы в российской экономике привели к смене духовных ориентиров и колебанию шкалы ценности в обществе. Почти всегда в подобных экономических условиях, как показывает практика, высока вероятность конфликта между теми сообществами, которые сохраняют традиционные мировосприятие и тип хозяйственно-культурной деятельности, и представителями ресурсодобывающих компаний, для которых природная среда, земля выступают как источники сырья и средство обогащения. Для членов традиционного общества грубое вмешательство любой производственно-технической деятельности на территорию своего проживания воспринимается особенно остро. Данное вмешательство воспринимается не только как наносящее вред окружающей среде, представляющее реальную угрозу целостности священных мест, культовых объектов. Полевые исследования свидетельствуют о том, что локальные группы бурят активно встают на защиту культовых объектов от любого воздействия со стороны. Верующие буряты стремятся доказать свои права на эти объекты для того, чтобы сохранить их неприкосновенность как сакральных ценностей. Однако процесс защиты культовых объектов от тех или иных видов деятельности долгое время не имел правовой основы в российском законодательстве. Лишь в 2002 г. был принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», который наряду с памятниками архитектуры, ансамблями и достопримечательными местами относит отдельные захоронения, места совершения религиозных обрядов к числу объектов культурного наследия [Федеральный закон № 73, 2002, ст. 17].

Таким образом, вопрос о защите природных объектов в качестве объектов культурного наследия получил решение в российском законодательстве, что, несомненно, оказало поддержку верующим, подтвердив правомочность их действий

по защите культовых объектов. В целом же правовое обеспечение землепользования, существующее в российском законодательстве сегодня, позволяет отстаивать интересы коренных народов, воспринимающих землю не только в качестве окружающей природной среды, но и как культурно-историческую ценность. Нам кажется, что сделан важный шаг на пути к цивилизованному, правовому диалогу между различными общностями, имеющими различные представления о ценностях.

*Шахматов А.В.
Санкт-Петербург*

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЕВРАЗИИ

Усложнение криминогенной обстановки в Евразии создает реальную угрозу безопасности. Терминология и лексика преступного мира, а также его мировоззрение и постулаты становятся обыденными. В правовом пространстве европейских стран создается питательная среда для криминального мира – идеология бездуховности и потребительства. Будущее Европы зависит от выбора молодыми людьми мировоззренческих ценностей, нравственного идеала. Коммерциализация образования, появление детской безнадзорности и бездуховности превращаются в мощный инструмент генерирования преступности XXI в.

Экономические, идеологические и психологические травмы, нанесенные тоталитарной системой человеку и обществу, трудноизлечимы. Общественное сознание не готово еще к принятию и осуществлению кардинальной социальной реформации на основе личностной автономии, частной собственности и частной предпринимательской инициативы.

Отсутствие криминологического обоснования и нестабильность ранее существовавшего европейского уголовного законодательства, неопределенность многих формулировок закона обусловили невосприятие населением Европы соответствующих деяний как преступных.

Это делает евразийского законодателя фактически способствующим разрастанию правового нигилизма. В повседневном поведении людей более существенное значение приобретают модели криминального поведения. Правовое поведение становится невыгодным и вызывает усмешки у обывателей. В сознании закрепляется стереотип «обыденного криминального поведения». Хорошие законы отвергаются плохими привычками.

В сложившихся условиях говорить о правовой культуре и правосознании общества было бы неуместным. Только тогда, когда станет возможным изменить или каким-то образом улучшить положение дел в европейском правовом пространстве, мы сможем отметить, что криминализация сознания приостановилась.

*Шенталин А.А.
Ижевск*

**«ИНОРОДЦЫ» В ПРАВОВОМ ПРО-
СТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА ПРИМЕРЕ УДМУРТОВ)**

Формирование единого правового пространства Российской империи существенно осложнялось ее полиэтничностью. В осуществлении своей внутренней политики государство было вынуждено дифференцированно подходить к разным народам, территории которых в разное время и на различных условиях вошли в состав огромной империи. Следствием подобной дифференциации и плюрализма культурного пространства российского государства стала и «мозаичность» его правового пространства. Правовое пространство создавалось и оформлялось на протяжении нескольких веков, и буржуазные реформы второй половины XIX в. существенно ускорили этот процесс. Многие народы Урала и Сибири с 1822 по 1901 гг. управлялись на основе «Устава об управлении инородцев» инородными управами, что позволяло им иметь традиционные органы самоуправления, сохранять многовековой хозяйственно-культурный и бытовой уклад, в том числе и институт обычного права. Громкие дела над российскими «инородцами» в конце XIX – начале XX вв. («Мултанское дело», «Дело Бейлиса» и др.) можно рассматривать в качестве ключевого момента по их вхождению в единое правовое поле Российского государства. Эти дела, получившие широкий резонанс не только в России, но и в Европе, показали, что на рубеже XIX – XX вв. специфика феномена российских «инородцев» практически полностью переместилась из социально-политической и экономической в этнокультурную сферу. Многонациональное население огромной страны приводилось к своеобразному общему «правовому знаменателю», и в гражданско-правовом отношении в сравнении с русским населением «инородцы» уже не были людьми «второго сорта», хотя на местах полицейские и судебные власти еще долго не могли к этому привыкнуть. В данном контексте «Мултанское дело», превратившееся в подобие суда над удмуртским народом, можно оценить как яркую

победу российского права и науки над полицейско-судебным произволом и предрассудками. «Мултанское дело» как своеобразный цивилизационный индикатор отразило сложность национальных, религиозных, социально-политических и правовых противоречий, раздиравших в конце XIX – начале XX вв. Российскую империю.

*Ширманов И. А.
Нижевартовск*

**ПРИМЕНИМОСТЬ ОБЫЧНОГО ПРАВА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Европейский суд по правам человека признает обычное (неписаное) право. Для решения вопросов о применимости обычаев необходимо учитывать международную, общероссийскую и региональную практику, использовать исторический опыт правового регулирования отношений с участием коренных малочисленных народов.

В истории российского права имелись интересные примеры регулирования с применением обычаев. Одним из самых значительных примеров стало принятие «Устава об управлении инородцев», разработанного М.М.Сперанским. Отражение его идей можно найти даже в законодательных актах советского периода. После 1917 г. произошел слом старой системы. В научной литературе указывалось, что на многие десятилетия из правоприменительной практики в СССР исчезли обычное и религиозное право, обычаи делового оборота. Но обычно-правовые нормы продолжали функционировать даже в условиях запретительных мер. Действия законодателя в первое десятилетие советской власти не были последовательны, и допускались отступления от идеи прямых запретов применения норм обычного и религиозного права. В 1924 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК составил проект «Положения об организации судебной части на северных окраинах РСФСР». Оно предусматривало учреждение особого суда, действующего на основе норм обычного права, при условии, что они не противоречат советским законам. 1 июня 1927 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление «О возложении судебных функций на туземные органы управления северных окраин».